

То, что Демон Сердечных Иллюзий хотел сказать: «У тебя ведь есть кровь клана демонов...»

Разумеется, в первой половине романа это было заделом на будущее — заделом на то, что Юэ Цинье в дальнейшем падёт во тьму и превратится в демона.

Демон Сердечных Иллюзий умер, но не до конца.

Когда Юэ Цинье подошёл, чтобы осмотреть раны Гу Цинсюань, он обратился в тонкую струйку чёрного дыма и бесшумно ускользнул в тело Юэ Цинье.

Гу Цинсюань не стала мешать.

То, что Юэ Цинье станет демоном — ключевой сюжетный поворот, установленный системой, и она не смела препятствовать этому, иначе, как говорила система, её изгнали бы из этого мира.

Стоило Демону Сердечных Иллюзий погибнуть, как окружающая иллюзия тоже рассеялась.

Они по-прежнему находились на прежнем месте, а погружённые в сон деревенские жители и младшие сородичи из Семьи Юэ пришли в себя.

Увидев Гу Цинсюань и Юэ Цинье, которых можно было описать не иначе как сплошь покрытых ранами, они тут же со всех сторон обступили их.

— Это всё происки того лисьего демона! Убейте его!

Фан Линчжу сжался в комок на земле и жалко запричитал: — Помилосердствуйте, бессмертные господа! Я вовсе не собирался бесчинствовать, это тот Демон Сердечных Иллюзий завладел моим телом — ой!

Кто-то из учеников уже достал магическое оружие, собираясь немедленно отправить Фан Линчжу на встречу с его лисьими предками и прародителями.

Фан Линчжу и впрямь был страшно обижен: ведь всё это совершил Демон Сердечных Иллюзий, а не он.

Человеческие духи поглощал Демон Сердечных Иллюзий, а не он.

Более того, возможно, всё то время, пока его телом управлял Демон Сердечных Иллюзий, он даже не понимал, что происходит.

Гу Цинсюань подумала о том, что раз уж она всё равно якшалась с Фан Линчжу несколько

дней как закадычная подружка, пусть сближение с ним изначально затевалось лишь ради того, чтобы наложить на него Тёмное Проклятие Захвата Души...

Теперь же её цель была достигнута, и пинать человека ногой после этого было бы не совсем по-человечески, так что она подала голос, останавливая младших членов Семьи Юэ.

— Главный виновник — не он, вам незачем к нему придирааться.

— Конечно не я! Этот молодой господин культивирует уже целых пятьсот лет, стану ли я выходить наружу, чтобы вредить людям и пускать прахом все свои прошлые труды?!

Взгляды младших из Семьи Юэ снова обратились на Юэ Цинье: очевидно, словам Гу Цинсюань они доверяли куда меньше, чем мнению Юэ Цинье.

Гу Цинсюань оставалось только обратиться к Юэ Цинье: — Супруг мой...

Не успела она договорить, как раздался мягкий и холодный голос Юэ Цинье: — Отпустите его.

Фан Линчжу, протиснувшись сквозь толпу, заметил Гу Цинсюань: — Сюань-сюань? — Он хотел сказать что-то ещё, но сообразил, что оставаться здесь не стоит, а для старых воспоминаний ещё представится время.

Поэтому он обернулся белым лисом, в мгновение ока нырнул в кусты и исчез.

Юэ Цинье поднял Гу Цинсюань с земли.

— Старший брат, ты ведь сам тяжело ранен, давай лучше мы отнесём невестку обратно?

Раны самого Юэ Цинье были ничуть не легче ран Гу Цинсюань, и весь он выглядел так, будто только что вынырнул из кровавого озера.

Несколько младших сородичей из Семьи Юэ чувствовали себя виноватыми из-за того, что сегодня ночью во время изгнания демона от них не было почти никакой пользы.

Юэ Цинье слегка откашлялся, с усилием проглотив подступившую к горлу кровь, после чего небрежно бросил: — Пустяки, я сам справлюсь.

Отряд задержался в деревне ещё на один день.

С одной стороны, Юэ Цинье тоже тяжело пострадал и нуждался в хорошем отдыхе.

С другой — демонический яд в теле Гу Цинсюань также требовалось очистить.

Лю Чжи пришла помочь ей избавиться от яда на поверхности ран.

Меня повязки и выводя яд, Лю Чжи вздыхала: — Барышня, что с вами случилось? Как мог какой-то Демон Сердечных Иллюзий вас ранить? Уж не нарочно ли вы это сделали? — Если бы её госпожа захотела, любой Демон Сердечных Иллюзий был бы стёрт в порошок мгновенно.

Откуда Лю Чжи было знать о тайных замыслах Гу Цинсюань? — Если бы она не заслонила Юэ Цинье от того удара, как ей было завоевать его расположение? Как сделать так, чтобы Чжоу Цыхэн, будучи лекарем, совершенно естественным образом поселился по соседству с ними?

— ...Барышня, с внешним демоническим ядом я покончила, а вот что касается яда, проникнувшего в костный мозг и кровеносные сосуды, тут придётся звать кого-то другого. — Хоть Лю Чжи и разбиралась в медицине, её познания ограничивались лишь поверхностными ранениями.

— Ладно, пускай так. Вернёмся — разберёмся, — Гу Цинсюань что-то вспомнив, спросила: — А где Юэ Цинье?

— Муж вашей милости в соседней комнате, говорит, боится вас потревожить.

Гу Цинсюань велела: — Сходи-ка наведайся к нему, он тоже серьезно ранен. Раз Юэ Цинье пострадал, глядишь, Сяо Линэр снова начнет виться вокруг него, но если туда пойдет Лю Чжи, Сяо Линэр не сможет учинить ничего лишнего.

Наша красавица-атаманша должна принадлежать исключительно Чжоу Цыхэну! Как можно позволить какой-то другой девице осквернять его?!

Лю Чжи ответила, что всё поняла.

Гу Цинсюань улеглась на кровати, предаваясь спокойному исцелению.

Стоило признать: боль была поистине невыносимой.

Гу Цинсюань не могла лежать на спине и была вынуждена лежать исключительно на животе.

Она уже жмурилась, погрузившись в полудрёму, как вдруг раздался скрип — белая тень проскользнула с улицы через окно и легко, бесшумно опустилась на пол.

— Сюань-сюань...

Пришедшим оказался не кто иной, как лисий демон Фан Линчжу.

Словно какая-то малая собачонка, Фан Линчжу подполз к Гу Цинсюань.

— Сюань-сюань, как же это тебя угораздило так сильно ранить себя? Давай-ка я взгляну на твои раны?

При этих словах Фан Линчжу протянул лапу, намереваясь приподнять одежду на её спине.

Гу Цинсюань по-прежнему не открывала глаз и лениво произнесла: — Если твоя пятивековая культивация тебе больше не нужна, можешь попытаться.

Фан Линчжу вздрогнул, лисья лапа в конце концов так и не опустилась, и он с усмешкой проговорил: — Я же просто переживаю за тебя! Посмотри на себя, всё такая же грозная... Впрочем, я люблю тебя именно за это.

Из-за боли в спине Гу Цинсюань сегодня была необычайно раздражительна: — Если ты больше ни по какому делу, катись отсюда немедленно. И если тебя кто-нибудь увидит, не обессудь, я за тебя заступаться не стану.

— Ой, мы же со старым другом не виделись целых несколько лет... Чего ты такая бессердечная... Мое сердце буквально разбито тобой...

Уголок глаза Гу Цинсюань судорожно дёргался: не будь она сейчас лишена возможности использовать духовную энергию, она бы непременно отвесила этому болтуну такую пощёчину, что его унесло бы за сто тысяч ли отсюда!

— Кстати говоря, разве ты не был посажен под домашний арест на горе Улин и не должен был сидеть там безвылазно? С чего это твой домашний старикан вдруг отпустил тебя? Впрочем, раз уж ты выбрался, так и быть: раз тебя столько лет продержали взаперти, впредь я буду водить тебя повсюду, как тебе? Ты ведь не знаешь, я теперь даже открыл маленькую лавочку, придёшь ко мне как-нибудь выпить вина — пей сколько душе угодно! Ну как?

Услышав это, Гу Цинсюань наострила уши, а затем устремила взгляд на Фан Линчжу: — Пожалуй, будет лучше, если ты прямо сейчас отсюда испаришься.

— Что? — Фан Линчжу продолжал вдохновенно расписывать, в какие места собирается сводить Гу Цинсюань, как вдруг дверь распахнулась.

Из коридора вошёл Юэ Цинье. От него исходил холод, ещё более пронзительный и мрачный, чем обычно, а его помрачневшее лицо выглядело так, будто с него можно было соскрести целый ковш сажи.

— Куда ей идти и с кем — решать мне, и уж точно не тебе её куда-то водить.

Фан Линчжу невольно передёрнуло от холода, и он шёпотом осведомился у Гу Цинсюань: — Это ещё кто такой? Чего он такой свирепый?

Гу Цинсюань прочистила горло и представила гостя: — Позволь представить: это мой муж, Юэ Цинье.

В этот момент Фан Линчжу пережил сильнейшее потрясение.

— ...Ты что, вышла замуж?!

С совершенно ошарашенным выражением лица Фан Линчжу бормотал что-то себе под нос — как ты могла выйти замуж? Как ты могла сделать это так быстро? — и, продолжая бессвязно шевелить губами, попятился к двери.

— Кто это?

<http://bllate.org/book/22398/2350687>